

В. В. Кравченко¹

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: ВИРТУАЛЬНОЕ «СОЛО» В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ

Одиночество как жизненная стратегия отдельного человека, противопоставление уединенного образа жизни обычному социальному общению в истории культуры — явление чрезвычайное, но в общем хорошо известное.

В древности одиночество было не востребовано обычными членами сообщества, не понимавшими себя вне коллектива, и оно даже было страшным наказанием (изгнание из племени). При этом шаманы и вожди периодически нуждались в одиночестве, концентрируясь на решении важных проблем всего племени. Шаманы, как правило, селились неподалеку от временно или постоянного стойбища, предпочитая общению с соплеменниками таинственные контакты с духами. Строго говоря, они никогда не были одиноки, но, с точки зрения обычных людей, шаманы вели уединенный образ жизни.

Некоторые обряды посвящения древности требовали, чтобы неопит, проходя ступени суровых духовных и физических испытаний, определенный период времени (иногда довольно продолжительный — от нескольких недель до года) находился в полной изоляции. Во всех культурах некоторые виды деятельности или целые культурные направления предполагали по-

стоянное или продолжительное пребывание в одиночестве. Так, в религиозных сектах и Востока, и Запада религиозные фанатики (индийские садху и персидские дервиши, суфии и монахи-затворники разнообразных сект) зачастую совершали свои религиозные подвиги в строгом одиночестве. Одиночество принималось как трагическое обстоятельство (жизнь на необитаемом острове в результате кораблекрушения), вынужденное положение (заброшенность стариков, потерявших родственников), в конце концов как одиночное тюремное заключение преступников, считающееся одним из самых мучительных наказаний.

С процессом индивидуализации членов общества одиночество все более осознавалось в некоторых случаях как необходимое и закономерное, принимая различные социокультурные формы. Одиноким гениям провозглашали новые идеалы; алхимики свершали тайное «делание» в поисках философского камня; художники, скульпторы, писатели и поэты создавали шедевры в уединении; анахореты усиленно молились в пещерах; эгоисты высокомерно пренебрегали общественными интересами; правители страдали от мании преследования... В обычной жизни одиночество было уделом чудаков, изгоев и мизантропов, а в целом — часто непозволительной роскошью для обывателя и разумного человека. Общество крепко держало своих членов разнообразными социальными связями, диктовало жесткие рамки поведения, каждому назначало определенные роли и функции и т. д.

В XVIII веке романтики придали одиночеству ореол таинственности и притягательности. Одиноким путешественникам в экзотические страны (уже не религиозным, а поэтические, научно-исследовательские, творческие «паломничества») стали источником творческого вдох-

¹ Профессор кафедры лингвистики и переводоведения Московского авиационного института (национального исследовательского университета), доктор философских наук. Автор более 70 публикаций, в т. ч.: «Культурно-антропологические основания социальных трансформаций», «Философия полета в идейном наследии русских космистов», «К вопросу о несостоявшемся путешествии В. С. Соловьева в Индию», «Симфония человеческой культуры», «Философия П. Я. Чаадаева как современная теоретическая проблема», «Владимир Соловьев и София», «Vl. S. Solovuyov's oeuvre reflected in foreign philosophy» и др. Член Российского философского общества, Международного центра изучения русской философии при Институте философии Санкт-Петербургского государственного университета.

новения. В XIX веке философы заговорили об «атомизации» общества, все более частом стремлении простых людей уйти из-под гнета хозяев или начальников, от семьи, социальных обязательств. Так проявлялась жажда независимости — экономической, социальной, политической, духовной, религиозной и пр. В некоторых философских направлениях одиночеству посвящались глубокие исследования. Экзистенциалисты видели в нем форму осознания страха, отчаяния и безысходности человеческого существования. Но эти переживания были характерны лишь для особо чувствительных и мыслящих людей. К концу XX века одиночество превратилось в глобальное явление, характерное для большинства населения Земли.

Некоторые социологи считают, что состояние современного общества ранее было неизвестно человечеству. Знаменитый британский социолог и философ Зигмунд Бауман назвал новое общество индивидуализированным. Оно, по его мнению, результат модернизации и дерегулированности социально-экономических, политических, духовно-нравственных и культурных связей и взаимодействий. По мнению Баумана, «мы вступили на территорию, которая никогда прежде не была населена людьми, — на территорию, которую культура в прошлом считала непригодной для жизни»¹. Утрачен баланс между общественным и частным, разрушаются прежние формы социальности, нынешний этап существования общества и есть подлинное «модернити», которое подготавливалось два предыдущих столетия.

Современный человек ищет одиночества, устав от чрезмерно напряженной социальной жизни, а вместе с тем освобождается от традиций, социальных обязательств, ответственности и пр.² Сегодня одиночество в социокультурном плане можно рассматривать как особую «идеопрактику» — способ выживания социального субъекта в условиях отсутствия жесткой идеологии, относительной экономической свободы и размытых границ социального контроля³. При этом социальный субъект, избравший идеопрактику, в первую очередь стремится сохранить свою личность в непредсказуемой социальной среде. Осознание независимости, самостоятельности, неподвластности, самодостаточности, возможности удовлетворить свои основные духовные и материальные потребности — вот основа мотивации такого социального субъекта.

Уже достаточно изучен (и неоднократно описан в научно-популярных и художественных произведениях) феномен дауншифтинга, когда успешный, семейный, социально состоявшийся, богатый или хорошо

обеспеченный человек вдруг отказывается от карьеры, семьи, материального достатка и сбегает в какую-нибудь тропическую страну, чтобы вести там рассеянный и одинокий образ жизни на грани нищеты. Такая идеопрактика позволяет социальному субъекту создать индивидуализированный виртуальный «оазис» эгоистического существования в чужом социуме. Это уже не романтические искания себя в необычных обстоятельствах, не бегство от рутины и собственной ничемности: Чайльд-Гарольд и Печорин забыты навсегда. Сегодня речь идет о бегстве от стресса, о поисках свободы от обязанностей, полной открытости новым жизненным опытам.

Во многом одиночеству способствует развитие компьютерных технологий. Человек наедине с гаджетом — символ нашего времени. Сегодня никого не удивляют одинокие самозабвенные компьютерные игры, самодостаточные твиты, самопрезентации в социальных сетях (зачастую не для кого-то, а ради самолюбования) и т. п. Хотя психологи уже бьют тревогу по поводу нового вида психического заболевания — компьютерной зависимости.

В экономическом плане в обычной жизни одинокому человеку легче выжить. Многие молодые люди, озлобленные ценами на образование, жилье, проживание, добровольно отказываются от создания собственной семьи, а главное — от детей. Некоторое время назад сформировалось целое молодежное движение — *childless*, намеренно и демонстративно бездетных юношей и девушек. В мегаполисах появился целый социальный слой метросексуалов (молодых менеджеров, банковских служащих, компьютерных фрилансеров) — бессемейных, ухоженных, самовлюбленных, в 20 лет делающих успешную, головокружительную карьеру и ведущих насыщенную светскую жизнь. При внешней социальной активности каждый метросексуал — одиночка, полностью погруженный в собственную деятельность, самолюбование и поддержание изысканного имиджа.

Итак, идеопрактики одиночек сегодня (и вызов дауншифтеров, и эгоцентризм метросексуалов, и психопатия компьютерных игроманов, и множество других форм существования «соло») — новый социальный ресурс виртуального одиночества, остро востребованный в перенаселенном и многосложном мире. Мире, по определению З. Баумана, «незримых граждан невидимого общества». И одновременно — это социальная нагрузка, все более отягощающая и усложняющая жизнь реального общества, а также трудноразрешимая глобальная проблема.

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. С. 316.

² Клайнбергер Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.

³ Кравченко В. В. От идеологии к идеопрактикам: социально-философский дискурс в эпоху плюрализма // Вестн. МГОУ. Сер. «Философские науки». 2013. № 2. С. 28.